

Ледяное забвение

Илья Ладогин привык попадать в разного рода передряги. Думал ли он, альпинист и скалолаз, что привычная для него прогулка в горы обернется шокирующей находкой? В ледяном подземном гроте Ладогин обнаруживает давно замерзшее тело молодого офицера вермахта. Найденный рядом дневник обер-лейтенанта Гюнтера Келлера помогает связаться с дочерью офицера, 60-летней Магдой Келлер, никогда не видевшей своего отца. Из дневника Магда узнает о его антифашистской деятельности, а Илья, сопоставив некоторые факты, делает открытие, потрясшее его до глубины души...

Александр
Ковалевский

ЛЕДЯНОЕ ЗАБВЕНИЕ

КСД

Александр
Ковалевский

Александр
Ковалевский

ЛЕДЯНОЕ ЗАБВЕНИЕ

РОМАН

ХАРЬКОВ
2021 КСД

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2021

ISBN 978-617-12-9247-5 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Ілля Ладогін звик потрапляти в різного роду пригоди. Чи думав він, альпініст і скелелаз, що звична для нього прогулянка в гори обернеться шокуючою знахідкою? У крижаному підземному гроті Ладогін виявляє давно замерзле тіло молодого офіцера вермахту. Знайдений поруч щоденник оберлейтенанта Гюнтера Келлера допомагає зв'язатися з дочкою офіцера, 60-річною Магдою Келлер, яка ніколи не бачила свого батька. Із щоденника Магда дізналася про його антифашистську діяльність, а Ілля, зіставивши деякі факти, зробив відкриття, яке приголомшило його до глибини душі...

Ковалевский А.

К56 Ледяное забвение : роман / Александр Ковалевский. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2021. — 352 с.

ISBN 978-617-12-8945-1

Ілля Ладогін привик попадати в різного роду передряги. Думал ли он, альпініст і скалолаз, що звична для нього прогулянка в гори обернеться шокирующою знахідкою? В ледяному підземному гроті Ладогін виявляє давно замерзше тіло молодого офіцера вермахту. Знайдений поруч щоденник оберлейтенанта Гюнтера Келлера допомагає зв'язатися з дочкою офіцера, 60-річною Магдою Келлер, яка ніколи не бачила свого батька. Із щоденника Магда дізналася про його антифашистську діяльність, а Ілля, зіставивши деякі факти, зробив відкриття, яке приголомшило його до глибини душі...

УДК 821.161.1(477)

© Кобизский А. В., 2021

© Unsplash.com / Mattia Crasti, обложка, 2021

© DepositPhotos.com / prometeus, Anna_Om, burchenko, michelangeloop, обложка, 2021

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке и художественное оформление, 2021

Все персонажи и произошедшие с ними события в этой книге — вымышленные. Любые совпадения имен или фактов из жизни реально существующих людей — случайны.

Проверенный способ вырваться из рутины будней — отправиться путешествовать. Уезжая из привычной обстановки даже на короткий срок, можно открыть для себя неизведанные дороги, по которым так хочется пройти, что в душе возникает трепетное чувство ожидания приключений. В путешествии ни один день не похож на предыдущий. Эти дни могут быть настолько насыщены, что порой создается впечатление, будто прожито три дня вместо одного, и оттого жизнь кажется длиннее. Благодаря полученным во время поездки свежим впечатлениям, мы возвращаемся домой с самым ценным багажом, какой может у нас быть, — это воспоминания, которые не забудешь никогда. Как приятных, так и не очень. И в какие бы передрыги мы ни попали, позже все равно будем с удовольствием о них вспоминать.

Для Ильи с Настей, собравшихся отметить свою хрустальную свадьбу на вершине Эльбруса, это было больше чем просто приключение. Этой весной, когда муж повел ее на Ай-Петри по крутой тропе, Настя испытала приступ панической атаки, чего никогда ранее с ней не случалось. Илье с трудом удалось уговорить ее отлепиться от дерева, которое она цепко обхватила двумя руками и не хотела отпускать, пока мимо них, весело щебеча, не пробежали мальчик и девочка лет пяти-шести с разноцветными рюкзаками. Впоследствии Настя и сама не могла объяснить себе, из-за чего с ней случился внезапный приступ страха высоты, и после дня отдыха они без особых проблем зашли по той же тропе на Ай-Петри. Подъем был непростым, но, поднимаясь все выше и выше, Настя с восторгом смотрела на открывающиеся ее взору пейзажи и вскоре была покорена красотой горного Крыма.

А сейчас уже был октябрь. И хотя Настя никогда не занималась альпинизмом, Илья полагал, что с хорошей акклиматизацией восхождение на Эльбрус ей вполне под силу. Мини-отель на поляне Чегет, где они поселились в уютном номере на двоих, находился на высоте 2000 метров. Подняться на перевал километром выше и съехать оттуда на горных лыжах — отличная прогулка для акклиматизации. Настя считала себя достаточно опытной горнолыжницей, чтобы кататься по самым сложным трассам Чегета, и спуск по крутому снежному кулуару ее не пугал.

Привязав к стяжкам рюкзаков взятые напрокат лыжи, они вышли из отеля рано утром. На испещренном трещинами леднике Илья связался

с женой двадцатиметровой веревкой, и дальше они шли уже в связке. При подъеме на перевал путь им преградила расщелина между ледником и скалой, которую можно было перейти только в одном месте — по снежному мосту. Понадеявшись на то, что превратившийся в фирн¹ слежавшийся снег выдержит его вес, Илья сделал пару шагов вперед, и тут казавшийся прочным мостик обрушился под ним. В отчаянии он взмахнул руками, тщетно пытаясь за что-то зацепиться. «У меня на ногах нет “кошек”!» — пронеслось в мозгу, а перед глазами, как в замедленном кино, замелькали картинки уносящегося вверх сине-зеленого льда.

Ударяясь то грудью, то спиной о стенки расширяющейся книзу бездонной расщелины, Илья больше всего в этот момент испугался за оставшуюся наверху жену, которую он мог утащить за собой в пропасть. Свободное падение продолжалось, пока он вдруг не ощутил опору под ногами, — это была снежная перемычка, ненадежно висевшая между стенками ранклюдфта².

Угодив в ледяную западню, Илья паниковать не стал. В его жизни случались ситуации и похуже. Чего только стоило прошлогоднее погружение к затонувшей в Средиземном море немецкой подлодке, когда на подъеме с семидесятиметровой глубины на него напала белая акула! Вот тогда было реально страшно, и неизвестно, чем бы для него все это закончилось, если бы на помощь не подоспела косатка, которую за три дня до этого он спас, освободив от рыбацких сетей. Демонстрируя радость и благодарность за освобождение, косатка, грациозно выпрыгивая из воды, потом еще целый час совершала невероятные прыжки, а на прощание еще и помахала ему поднятым хвостом.

А когда он сам попал в беду, та же косатка каким-то чудом оказалась в нужном месте в нужное время. Отразив с помощью запасного баллона первую атаку большой белой акулы, Илья остался на глубине шести метров, чтобы завершить декомпрессию. Сердце его бешено колотилось, в висках стучало, но не успел он перевести дух от одной атаки, как акула-людоед напала снова. И тут произошло то, чего эта зубастая тварь ожидала меньше всего на свете. Возникнув откуда-то из пучины, огромная косатка с такой силой ударила своей мощной головой в белое акулье брюхо, что акулу выбросило на поверхность.

Сейчас же Илья особой тревогой за свою жизнь не испытывал. Он спокойно протер очки от снега, забившегося под стекла. Стало немного светлее. Он осмотрелся вокруг. Наверху, метрах в десяти от него, он увидел дыру, сквозь которую проглядывало затянутое облаками небо. А под ним чернела бездна, в которую улетели лыжи, оторвавшиеся от стяжек рюкзака. Еще до конца не осознав, в какую западню он попал, Илья прокричал Насте, что с ним все в порядке. Не получив ответа, он утешил себя надеждой, что любимая его услышала, и стал лихорадочно соображать, как выбраться из ранклюдта. Поскольку расщелина между ледником и скалой сужалась кверху, вылезти наверх по круто нависающим стенам у него не было никаких шансов.

Отправляясь с женой на прогулку в горы, Илья не считал нужным поставить об этом в известность местных спасателей, поэтому нечего было и надеяться на то, что спасотряд придет ему на помощь.

Оставалось только попытаться подняться по веревке, что без жумара³ сделать было непросто, тем более что Настя при всем желании не сможет надежно закрепить наверху второй конец веревки, привязанной сейчас к ее страховочной системе. Илья был намного тяжелее своей изящной супруги, и вряд ли она сумеет его удержать, вздумай он нагрузить уходящую к ней веревку. Однако надежда на то, что он как-нибудь выберется из трещины, его не покидала, и Илья начал действовать. Пытаясь достать «кошки» из рюкзака, он вдруг почувствовал, как снег под ногами начал медленно сползать вниз, и рассмотрел в двух метрах справа от себя чернеющую в скале нишу. Ухватившись двумя руками за обледенелый скальный выступ, он перебрался в спасительную нишу, оказавшуюся входом в небольшой подземный грот, куда уже не проникал дневной свет.

Осветив причудливый зал грота налобным фонариком, Илья был поражен фантастической красотой открывшейся ему картины. Изморозь на гранитных стенах подземного дворца мерцала тысячами разноцветных огней, а свод арки был покрыт крупными снежными кристаллами, которые сияли и переливались хрустальными гранями, как драгоценные камни. Будто зачарованный смотрел он на это сияние и не сразу заметил в темноте впадины арочного свода сидевшего на земле человека в экипировке альпийского стрелка времен Второй

мировой войны, труп которого настолько хорошо сохранился, что Илья с перепугу принял его поначалу за живого.

Подойдя поближе, он рассмотрел на рукаве верхней ветрозащитной куртки нашивку с изображением эдельвейса, а с левой стороны горного кепи приколотую штампованную эмблему эдельвейса со стеблем. Сомнений быть не могло — это был труп егеря элитной немецкой дивизии «Эдельвейс», которая шестьдесят лет назад, летом 1942 года, захватила Приэльбрусье.

Тело молодого офицера 1-й горнопехотной дивизии вермахта, пролежавшее столько лет в вечной мерзлоте подземного грота, тление почти не тронуло. Хорошо сохранились и все записи, печати и штампы в его солдатской книжке («soldbuch») на имя обер-лейтенанта Гюнтера Келлера. Илья нашел этот зольдбух во внутреннем кармане его ветрозащитной куртки. В офицерском полевом планшете из черной зернистой кожи, пристегнутом к поясу альпийского стрелка, помимо компаса, карандашей, транспортиров и военных карт, Илья обнаружил личный дневник горного стрелка. При свете налобного фонаря он смог разобрать лишь даты первой и последней записи в дневнике — 22.07.1936 и 29.11.1942 года.

В правой руке обер-лейтенанта, нашедшего в этом гроте свое последнее пристанище, был намертво зажат офицерский «Walther P38» со следами коррозии, но еще вполне пригодный для стрельбы. Однако особый интерес представляла висевшая на его шее ручная кинокамера «Kinamo» с пружинным приводом. В прошлом году, когда была организована специальная эверестовская экспедиция для поисков походного фотоаппарата Эндрю Ирвина и Джорджа Мэллори, погибших на Эвересте в далеком 1924-м, специалисты фирмы Kodak заявили, что очень вероятно, что их фотографии могут быть проявлены, поскольку фотопленка пролежала под снегом в замороженном состоянии.

Кинопленка в кинокамере горного стрелка тоже хранилась при минусовой температуре и пролежала «всего» шестьдесят лет, так что вполне возможно, подумал Илья, что ее удастся проявить. Осторожно сняв с шеи эдельвейсовца кинокамеру, он аккуратно упаковал ее в рюкзак. Также он решил взять с собой зольдбух и дневник обер-лейтенанта, дабы передать их кому-то из его родственников, если, конечно, таковых удастся через столько лет разыскать.

Внезапный рывок страховочной веревки чуть не сбил его с ног. Затем ее начали выбирать настолько энергично, что Илье ничего не оставалось делать, как довериться веревке, которой его дружно вытащили наверх горные туристы, спустившиеся с перевала на помощь Насте, оставшейся одной на леднике.

После пережитого шока она и слышать больше не хотела о восхождении на Эльбрус. Пришлось возвращаться домой в Харьков, где они и отметили свой пятнадцатилетний юбилей со дня свадьбы. Со своей будущей женой Илья Ладогин познакомился в семнадцать лет. Это была любовь с первого взгляда. Проведя с Настей всего один незабываемый вечер под скалой Лебединое Крыло в Симеизе, он даже ее фамилию не успел узнать и вновь случайно встретился с ней только через десять лет. Это произошло в Кабуле в мае 1986-го. Его возлюбленная, которую, казалось, он навеки потерял, была уже не вчерашней школьницей, а лейтенантом медицинской службы Анастасией Ворониной. В Афганистан ее направили от военкомата как оперирующего хирурга-травматолога. Сам же Илья прилетел в Кабул в качестве спецкора Агентства печати «Новости» (АПН). Из Афгана они вернулись мужем и женой. По сравнению с тем, что им пришлось пережить «за речкой»⁴, их недавнее экстремальное приключение в Приэльбрусье было просто развлечением.

Что касается привезенных с Кавказа личных документов и кинокамеры Гюнтера Келлера, то Илья рассудил, что правильнее всего будет передать их в посольство Германии. Там у него, естественно, поинтересовались, где находится подземный грот, в котором он обнаружил тело обер-лейтенанта Келлера. Илья же мог только приблизительно показать на карте то место, где он провалился в расщелину.

***

Известие о том, что в Приэльбрусье нашли останки ее отца, пропавшего без вести на Кавказе в 1942-м году, шестидесятилетняя Магда Келлер получила от своего старого друга Пауля Грота — сына знаменитого гауптмана Хайнца Грота, под командованием которого группа специально отобранных егерей в августе 1942-го совершила восхождение на Эльбрус. Гюнтеру Келлеру тоже довелось принять участие в этом восхождении. За установку военных флагов Германии на обеих вершинах Эльбруса альпийским стрелкам был предоставлен

месячный отпуск. После этого отпуска супруга Хайнца Грота родила ему сына Пауля, которого счастливые родители называли «эльбрусским мальчиком».

Для обер-лейтенанта Келлера отпуск в родную Баварию тоже оказался плодотворным. Он наконец-то женился на белокурой красавице Ирме из Берхтесгадена, с которой ходил в горные походы до того, как его мобилизовали в горнострелковые войска вермахта. Во время своего медового месяца молодожены времени зря не теряли, и через девять месяцев Ирма произвела на свет девочку, о рождении которой Гюнтеру не суждено было узнать.

В одном из своих последних писем он написал жене, как однажды, находясь в ночном дозоре, повстречал в горах своего старого русского друга — инструктора по альпинизму Павла Филипповича Захарова — Пал-Фила, с которым Гюнтер познакомился на Кавказе еще до войны.

Под покровом ночи русская разведгруппа военных альпинистов заходила в тыл альпийским стрелкам выше «Приюта Одиннадцати» с правой стороны. Наблюдавший за ними из-за сложенного из камней укрытия Гюнтер узнал одного из них и громко позвал: «Павел, Павел! Это я, Гюнтер! Я тоже альпинист, и перед войной мы с тобой ходили в одной связке. Мы давно вас засекли и могли уже много раз уничтожить, но давай разойдемся тихо и без выстрелов. Война войной, но мы с тобой друзья, и оба любим горы». Свой поступок Гюнтер объяснил верностью альпинистскому братству, благодаря которому бывшие друзья не стали стрелять друг в друга.

Ирма об альпинистском братстве знала не понаслышке. Ее отец Герберт Тальмейер тоже был альпинистом, которого в Первую мировую отправили в Альпы воевать с французами, и сражаться ему довелось с теми, с кем он еще вчера вместе покорял альпийские вершины. Нередко это происходило так: встретившись где-то там, наверху, они доставали из своих армейских ранцев винишко и братались, вспоминая, как вместе ходили на какой-нибудь Маттерхорн или Монблан. Но на войне как на войне — «à la guerre comme à la guerre», и по возвращении с задания горным стрелкам надо было доложить начальству о выполнении приказа. Тогда они расстреливали в воздух весь боезапас, дабы, спустившись с гор, браво доложить о том, что им удалось перебить почти всех встретившихся на их пути солдат неприятеля.

Со своим будущим мужем Гюнтером Келлером, отчаянным каскадером-скалолазом, Ирма познакомилась в тринадцать лет благодаря отцу, который взял ее с собой на съемки горного фильма с участием Лени Рифеншталь — главной героини известных немецких фильмов об альпинизме и горнолыжном спорте. Спортивная и упорная кинодива лазила по скалам как кошка и без страховки исполняла сложнейшие трюки, чем вызывала у Гюнтера заслуженное восхищение. Блистательную Лени Рифеншталь, обладавшую способностью покорять сердца мужчин легко и надолго, называли женщиной с серебряным взглядом. Неудивительно, что Гюнтер был увлечен ею, как, впрочем, и все мужчины съемочной группы, которых эта целеустремленная женщина с мужским характером прекрасно умела подчинять во имя своих целей.

Юная Ирма считала ее слишком старой, а посему даже не думала ревновать девятнадцатилетнего Гюнтера Келлера к тридцатилетней актрисе, тем более что сама Рифеншталь не выказывала ее избраннику особых знаков внимания. Для себя Ирма уже решила, что выйдет замуж только за него, но признаться Гюнтеру в любви она тогда не осмелилась.

В следующий раз Ирма встретила с ним только через шесть лет в Бернских Альпах. Это был июль 1936-го, когда два баварца Андерл Хинтерштоссер и Тони Курц с австрийцами Вилли Ангерером и Эдди Райнером погибли на Северной стене Эйгера. Ирма наблюдала за этим трагически закончившимся восхождением в подзорную трубу со смотровой площадки, а Гюнтер с командой спасателей в это время тщетно пытались снять со стены Тони Курца. Остальные трое альпинистов на тот момент были уже мертвы.

Чтобы спасти Курца, единственного оставшегося в живых, группа гидов-спасателей прошла через туннель к двери, выходящей на Северную стену. Они знали, что если пройдут по карнизу вдоль стены, то окажутся где-то под Курцем. В двухстах метрах от двери они уже слышали его крики о помощи, но самого Курца не было видно. Тони висел в сорока пяти метрах над ними и кричал спасателям, что они не смогут подобраться к нему снизу по нависающим выступам. Что они должны подняться вверх по трещине, а потом спуститься к нему по веревке. Но спасатели не могли это сделать. Когда на Эйгер надвигается буря, начинается крошечный ад. К тому же приближалась

ночь, и в такой буран они сами могли погибнуть. Пообещав Тони вернуться к нему завтра, они вынуждены были возвратиться в туннель.

Тони Курц понимал, что у него нет шансов пережить ночь. Мороз убивает очень коварным способом. Он как будто забирается внутрь вас. Запускает в тело свои ледяные щупальца и начинает замедлять циркуляцию крови, отключать ваши органы, и замерзающему насмерть человеку невероятно хочется спать. Болтаясь на веревке над пропастью, Тони ощущал свою полную беспомощность и непередаваемое одиночество. После ночного снежного бурана Эйгер накрыл холодный фронт, и вся вода, стекавшая по его склонам, замерзла, покрыв скальные выступы ледовым панцирем. Но Тони Курцу каким-то чудом удалось пережить эту кошмарную ночь. Он потерял одну перчатку, и его левая рука была полностью отморожена — кисть превратилась в ледяную клешню. И тут он услышал доносившиеся снизу крики спасателей, которые возвращались к нему тем же путем, что и вчера.

Уже второй раз спасатели подошли к нему на расстояние всего одной веревки, но теперь отвесные скалы над ними покрывал тонкий слой льда. Они поняли, что забраться наверх невозможно. Им каким-то образом надо было спустить Курца на полку, однако веревка, на которой тот висел, была слишком короткой. Так что Курц должен был сам найти еще какую-нибудь веревку. Они сказали, что ему придется отрезать веревку, на которой болтался под ним примерзший к скале труп Вилли Ангерера.

Курц находился в ужасном положении. Он должен был достать нож и обрезать промерзшую веревку. Но на ней висел человек, с которым он делил тяготы последних четырех дней, а теперь ему предстояло сбросить его тело в пропасть. Но избавление от трупа Вилли Ангерера было лишь началом пути к спасению. Чтобы веревки хватило, Курцу надо было подняться и отрезать ее от трупа Эдди Райнера.

В долине за разворачивающейся на стене драмой наблюдала толпа. Весь тот день люди высматривали среди облаков отчаянно боровшегося за свою жизнь Курца. Наконец он начал свой медленный и мучительный подъем по веревке. Он преодолел крутой откос и стал перехватывать веревку одной рукой, упираясь ногами в скалу. Так он добрался до Райнера. Курцу нужно было сорок пять метров веревки, чтобы спуститься по ней к спасателям. Но даже когда он отрезал ее от

трупа, длины веревки не хватало. Он мог удлинить ее лишь только одним способом — расплести промерзшую трехжильную веревку обмороженными руками.

Курцу потребовалось целых пять часов, чтобы сделать это и связать три пряди вместе, но, когда он закончил сей кропотливый труд, у него была в руках тонкая нить, которая дотягивалась до спасателей в сорока пяти метрах под ним. Он не мог спуститься по ней сам, ведь это была всего одна прядь, которая не выдержала бы его вес. Зато он смог поднять спасательную веревку и крючья, которые подвязали к ней спасатели.

Но когда Курц стал поднимать веревку, спасатели поняли, что она слишком коротка, поэтому они довязали к ней еще одну. Теперь Тони лишь оставалось спуститься по этой веревке к ним. К вечеру своего пятого дня на Эйгере Тони Курц начал спуск. Ему нужно было преодолеть сорок пять метров крутой скалы и спуститься вертикально по нависающему откосу. Двух связанных вместе веревок должно было хватить, чтобы изможденный альпинист мог спуститься к спасателям. Вконец обессиленный Тони спускался невероятно медленно, по сантиметру, рывками. Зная, что с обмороженными руками, одну из которых он вообще не чувствовал, ему не под силу держаться за веревку, Тони пропустил ее через карабин у себя на поясе.

Когда Тони Курц наконец появился из-за выступа, спасатели уже готовы были его принять, ведь он был совсем рядом. Но, начав к ним спускаться, Тони заметил узел, связывающий веревки. Этот узел был примерно в пятнадцати метрах над спасательной полкой. И по ходу своего спуска Курц, наткнувшись на этот узел, сразу понял, в чем проблема — узел не проходил в карабин. И теперь Тони завис в воздухе совсем рядом со спасателями — всего в нескольких метрах левее от них. Они подошли к нему настолько близко, насколько могли, но под ним карниз обрывался в пропасть. Если бы он смог спуститься до их уровня, они бросили бы ему веревку и подтянули бы его к себе. Но пока он был выше, они не могли ни бросить ему веревку, ни подняться к нему.

Тони понимал, что если не удастся пропустить узел через карабин, то ему конец. Спасателям же оставалось лишь подбадривать его криками: «Давай, Тони! Постарайся! Ты сможешь! Попробуй еще раз!» Они слышали, как Курц что-то бормотал себе под нос, стараясь из

последних сил протолкнуть через карабин этот чертов узел, но он не проходил. И вдруг Тони наклонился и, перестав бороться с узлом, произнес ясно и громко: «Я больше не могу...»

Неожиданное препятствие, когда, казалось бы, спасение было уже так близко, забрало у него последние силы. Товарищи, ставшие свидетелями смерти Курца, так и не смогли достать его тело, и оно оставалось висеть над пропастью, пока его не сняла команда немецких спасателей, прибывшая, к сожалению, слишком поздно.

Будучи профессиональным гидом, Гюнтер осознавал, что альпинисты играют в игру, ставкой в которой является их собственная жизнь, и не всегда они могут сами решать свою судьбу. Зачастую после смерти кого-то из знакомых альпинистов первый вопрос, который он задавал себе, был вопрос «Как?», а «Не почему?» тот погиб, дабы знать, в чем этот бедолага ошибся. После случая с Тони Курцем, который умер у него на глазах, горы наглядно показали Гюнтеру, насколько беспомощным перед ними может оказаться человек. В горах никогда нельзя быть уверенным до конца: молния, камнепад, ледовый обвал, лавина — все невозможно предусмотреть. Альпинисты это прекрасно понимают, но в горах человек оказывается один на один с природой, и спокойное величие сверкающих вершин притупляет врожденный страх смерти. Все воспринимается совсем не так, как в обыденной жизни, и это состояние какой-то космической свободы знакомо каждому альпинисту.

Со своей будущей женой он потом часто отправлялся в горные походы по Баварским Альпам. Сложные восхождения приносили им ощущение реальных достижений. Молодые и самонадеянные, Ирма с Гюнтером были убеждены в том, что в горы идут только лучшие. Покорив очередную вершину, они считали себя во всех смыслах выше всех, кто жил в долине, и все житейские заботы казались им второстепенными.

Для Гюнтера вольная жизнь горного гида закончилась всего через год. В октябре 1937 года почтальон принес ему повестку, в которой сообщалось, что в трехдневный срок он должен явиться на призывной пункт и что в случае неявки его ждет арест. Гюнтер знал, что еще два года назад в Германии была введена всеобщая воинская обязанность, однако относился к этому как-то отстраненно, не представляя, что это коснется его самого.

В те дни многие предчувствовали, что Германию ждут тяжелые испытания. С приходом Гитлера к власти в 1933 году началось повсеместное насаждение идеологии национал-социализма под лозунгом: «Один народ, одна империя, один вождь». К середине тридцатых годов немецкий народ разделился на сторонников нацистов и тех, кому оставалось только молчать и бояться. Сторонников нацистов в Германии было подавляющее большинство. С 1936 года книгу Гитлера «Майн Кампф» стали вручать молодоженам на церемонии бракосочетания вместо Библии, а несогласие с правящим режимом подавлялось все жестче и жестче. Дошло до того, что даже невинная шутка о Гитлере или его нацистской партии могла привести к аресту.

Гюнтер никогда не был нацистом и старался держаться от них подальше, но они были везде, даже на призывном пункте. Крепко сбитые парни в коричневых рубашках со свастикой на рукаве раздавали призывникам пропагандистские листовки. Одну из них протянули Гюнтеру, и тот безропотно взял ее. Ему не нужны были лишние проблемы.

Когда подошла его очередь, он крепко обнял Ирму:

— Ирма, все будет хорошо! Я скоро вернусь, верь мне!

Она едва не расплакалась и сказала, что очень любит его и будет ждать. Они поцеловались, и Гюнтер вошел в коридор призывного пункта. После прохождения медкомиссии тучный сержант протянул ему на подпись документ, согласно которому он призывался в вермахт на четыре года. Гюнтеру ничего не оставалось, кроме как поставить свою подпись.

Вскоре после этого ему выдали солдатскую книжку, которую он обязан был постоянно носить с собой. Кроме того, Гюнтер получил специальный бланк, на котором нужно было указать имена и адреса своих ближайших родственников, а также написать, чем он занимался в предыдущие годы и какими навыками владеет. Исходя из этого определялась воинская специальность новобранца. Гюнтер написал, что он занимался альпинизмом и больше никакими навыками, кроме как лазить по скалам, не владеет. Так он попал в элитную дивизию вермахта, служащие которой в знак отличия от всех остальных горнострелковых частей носили на своих горных кепи эмблему

с цветком эдельвейса. Сама же дивизия получила название «Эдельвейс».

***

Первую заметку в своем дневнике Гюнтер сделал после трагедии на Эйгере и продолжал его вести во время войны. Все записи он делал мелким и не очень разборчивым почерком, и через шестьдесят лет его дочери не так-то просто было их расшифровать.

В записках Гюнтера часто упоминалась Лени Рифеншталь, о которой Магда была наслышана от своей мамы, умершей три года назад. Лени Рифеншталь этим летом отпраздновала свой сотый день рождения и к своему столетнему юбилею выпустила в прокат документальный фильм «Подводные ощущения», в основу которого лег материал, отснятый ею во время почти двух тысяч погружений с аквалангом в морские глубины. А вот судьба другой женщины, с которой, как выяснилось, Гюнтер тоже был весьма близко знаком, оставалась пока неизвестной. Связь ее отца с девятнадцатилетней харьковчанкой Лидой Корнеевой стала для Магды неприятным открытием, хотя она и вынуждена была признать, что тот поступил весьма благородно, защитив несчастную девушку от местных полицаев, хватавших на улице всех подряд, дабы выполнить план по заложникам.

В тот день 14 ноября 1941 года в центре Харькова рано утром прогремел взрыв — радиоуправляемой миной был взорван особняк на улице Дзержинского, 17. При взрыве особняка погиб командир 68-й пехотной дивизии 6-й армии генерал-майор Георг Браун и с ним еще дюжина немецких военных. В отместку за эту диверсию комендант города генерал пехоты Эрвин Фиров устроил публичные казни харьковчан, брошенных в городе советской властью, не сумевшей их эвакуировать. По всему городу были расклеены листовки с его обращением к населению города, в котором сообщалось, что в результате взрыва русских мин в Харькове погибли немецкие солдаты. Комендант счел это доказательством того, что население на его призывы и приказы активно сотрудничать в разминировании не откликнулось. Посему было заявлено, что «немецкие вооруженные силы будут действовать беспощадно» и что «сегодня были казнены 50 членов коммунистической партии». «Кроме того, — говорилось в обращении, — арестовано 1000 лиц как заложники. При дальнейших

выступлениях против немецких вооруженных сил 200 из них будут расстреляны». С 16.00 до 6.00 жителям Харькова запрещалось находиться на улицах или площадях без соответствующего удостоверения. В случае неповиновения нарушитель указа будет расстрелян. «Каждый житель Харькова лично, своей собственной жизнью, теперь отвечает за безопасность немецких вооруженных сил».

Лида Корнеева тоже оказалась бы в числе обреченных на смерть заложников, не приди ей на помощь обер-лейтенант Гюнтер Келлер, — он буквально вырвал ее из лап патруля вспомогательной «шутцполиции», набранной из местного населения. Судя по тому, что Гюнтер потом сделал карандашом несколько портретных зарисовок этой на редкость красивой девушки, их отношения не ограничились простым знакомством. Для Магды единственным оправданием порочной связи ее отца с русской красавицей было то, что на тот момент он еще не женился. Более того, продолжалась эта связь недолго, ведь вскоре после их знакомства дивизия горных стрелков отправилась дальше на восток, а Лида осталась в оккупированном Харькове. Больше Гюнтер о ней нигде в своих записях не упоминал.

Из найденного дневника Магда узнала главное — тайну его гибели. Гюнтер подробно описал, как в ноябре 1942 года он с отрядом егерей сопровождал в горах экспедицию «Аненербе»⁵, прибывшую в Приэльбрусье для поисков следов цивилизации «асов» — древней арийской расы, якобы обитавшей на Кавказе. При подъеме на перевал их группу накрыло снежной лавиной от бомбы, сброшенной на горный хребет пролетающим над ними советским пикирующим бомбардировщиком Пе-2. Дабы спастись от обрушившейся на их головы лавины, Гюнтер укрылся от нее в расщелине. Однако самостоятельно выбраться наверх оказалось невозможно.

Осознав, что он обречен остаться в ледовой западне навеки, Гюнтер решил исповедоваться на страницах своего дневника. Из этой исповеди Магда узнала, что ее отец в сентябре 1938 года входил в специальную штурмовую группу добровольцев, которая должна была захватить имперскую канцелярию и ликвидировать Гитлера.

Заговорщики планировали устранение фюрера после отдачи им приказа о нападении на Чехословакию, однако их планы спутало Мюнхенское соглашение, согласно которому Великобритания и Франция уступили Гитлеру и позволили ему захватить Судетскую

область без единого выстрела. Превосходно вооруженная чехословацкая армия безропотно пропустила части вермахта в Судетскую область, и руководители антинацистского заговора от своих планов свержения Гитлера отказались, ведь основная цель переворота заключалась в предотвращении вооруженного столкновения, которого не случилось.

В последние часы своей жизни Гюнтер очень сожалел о том, что заговорщикам не удалось еще тогда, в 1938-м, устранить фюрера, чтобы предотвратить развязанную им вскоре Вторую мировую войну. И перед тем как уснуть навеки, он написал, что покидает этот мир с твердым убеждением, что покушение на Гитлера заговорщики должны осуществить любой ценой. Ведь даже если попытка убить фюрера потерпит неудачу, сам факт того, что немецкое Сопротивление пошло на такой решительный шаг, спасет честь Германии в глазах всего мира.

Магду потрясло до глубины души дошедшее до нее через столько лет признание отца в том, что он состоял в антигитлеровском заговоре, участников которого теперь чествовали в Германии как национальных героев. Она ужасалась при мысли, что, доживи ее отец до 20 июля 1944 года, когда заговорщики неудачно попытались взорвать Гитлера в его ставке «Волчье логово», он мог бы разделить их страшную участь: пять тысяч предполагаемых и действительных участников «заговора 20 июля» были арестованы, двести из которых были приговорены к долгой и мучительной смерти через повешение на рояльной струне.

Никто из участников заговора не готовил для себя пути отступления на случай провала мятежа. Офицеры и генералы, участвовавшие в заговоре, были уверены, что их приговорят к расстрелу, и видели свой долг в том, чтобы умереть с достоинством. Они не представляли, какая участь их ожидала.

Изматывающие пытки и шантаж расправы с их родными и близкими принесли в скором времени доказательства наличия многолетней оппозиции режиму — в частности, изобилие писем и дневников, в которых участники движения Сопротивления не скрывали своей ненависти к фюреру.

С момента начала допросов Гитлер ежедневно получал подробное донесение об их результатах, а также информацию об арестах

и казнях, которую он «жадно проглатывал». Он вызвал председателя Народного трибунала Роланда Фрайслера, а также главного палача к себе в ставку и потребовал, чтобы к осужденным не приглашали священника и чтобы они вообще были лишены всего, что каким-либо образом облегчило бы их участь.

Разъяренный Гитлер требовал, чтобы «их повесили — повесили, как скотину», и 8 августа 1944 года первые восемь заговорщиков были казнены в тюрьме Плётцензее. Облаченных в одежду каторжников и деревянные башмаки, их по одному заводили в помещение, где происходила казнь. Их вели мимо гильотины и подводили к крюкам, укрепленным на свисавшем с потолка рельсе. Палачи снимали с них наручники, набрасывали им на шею петлю и раздевали до пояса. Затем они вздергивали осужденных вверх, затягивали петлю и, когда те уже начинали биться в удушье, стягивали с них штаны. Все это снимали на киноплёнку под свет софитов, дабы фюрер мог насладиться зрелищем кровавой мести, и уже в тот же вечер Гитлеру демонстрировали казни со всеми их подробностями, вплоть до последних конвульсий осужденных.

Родственники заговорщиков тоже были подвергнуты жесточайшим репрессиям, а их детей нацисты под новыми фамилиями помещали в детский дом.

Казни продолжались до апреля 1945 года. Среди казнённых за участие в «заговоре генералов» были люди, о которых Гюнтер часто упоминал в своих записях. Это были друг его детства Дитрих Бонхеффер и высокопоставленный офицер абвера Ханс Остер, казнённые по приказу Гитлера с особой жестокостью за месяц до окончания войны. Их тела были сожжены на костре во дворе тюрьмы, а пепел развеян.

«Не нужно совершать подвиги, надо не совершать подлостей в жизни», — прочитала Магда в дневнике своего отца. Эта запись многое объясняла в его характере. И пусть Гюнтер Келлер, по его собственному признанию, не был готов к самопожертвованию ради общего дела, как другие участники Сопротивления, и ничего особо героического в своей короткой жизни не успел совершить, для Магды важен был сам факт, что ее отец не принял нацизм. Чего она, к сожалению, не могла сказать о своей маме, которая, как и миллионы ее соотечественников в то время, боготворила фюрера. И даже спустя

много лет Ирма, работавшая у Гитлера гувернанткой почти четыре года, говорила своей дочери, что она просто не может поверить в то, что по его приказу делались такие кошмарные вещи, и предпочитала вспоминать те черты его натуры, которыми она была тогда очарована.

О своей работе в горной резиденции фюрера в Бергхофе она вспоминала часто, рассказывая, как ежедневно вставала в шесть утра и первым делом кормила собак — немецких овчарок Гитлера. Фюрер, по ее словам, спал в очень скромно обставленном кабинете на железной кровати, над которой висел портрет его матери. В обязанности Ирмы входил и разбор корреспонденции шефа, как прислуга между собой называла Гитлера, а также сортировка подарков от его многочисленных почитателей. Их по приказу фюрера раздавали более бедным соседям. Некоторые безделушки, вроде вышитых поклонницами подушек со свастикой на фоне восходящего солнца и клятвами в вечной преданности, Гитлер оставлял себе. Прибиравшаяся в его комнате Ирма всегда недоумевала, зачем он хранит весь этот хлам, и однажды Гитлер, будто угадав ее мысли, смущенно признался: мол, он сам знает, что эти вещи некрасивы, но многие из них — подарки, сделанные от всего сердца, и он не хотел бы с ними расставаться.

Ирме также приходилось общаться и с любовницей фюрера Евой Браун, пожелавшей ограничиться только ведением хозяйства в Бергхофе, чем до своего замужества занималась ранее сестра Гитлера. Внешне фройляйн Браун была типичной столичной секретаршей со светскими манерами, но при этом ей были совершенно чужды замашки кинозвезды, и с прислугой Ева вела себя не как госпожа, а как их лучшая подруга.

По мнению Ирмы, Ева Браун хотя и производила впечатление очень ухоженной и жизнерадостной молодой женщины, на самом деле была не так уж хороша собой для такого мужчины, как фюрер. Разбирая письма, которые Адольф Гитлер еще до прихода к власти тысячами получал от своих фанатичных поклонниц, Ирма поражалась тому, как он умел так очаровывать женщин, что зрелые матроны сходили по нему с ума, точно девчонки. В одних письмах добродетельные замужние дамы умоляли его стать отцом их детей, в других посланиях девицы клялись фюреру в вечной любви и обещали покончить с собой, если он не ответит им взаимностью, в третьих было вообще что-то

вопиющее, написанное явно ненормальными людьми. В личном кабинете Гитлера лежали стопки толстенных папок с этими письмами под общим заголовком «Полоумные»!

Сам же фюрер был с женщинами всегда исключительно учтив и обходителен. Каждой он целовал ручку, даже замужним секретаршам, заставляя тех поверить, что он считает их красавицами и восхищается ими. Он уважительно здоровался с ними, пропускал вперед и в их присутствии никогда не садился первым. В общении с дамами его гортанный голос становился обволакивающе мягким, с заботливыми интонациями. На своих «пишущих дам», к которым он любил обращаться «моя красавица» и «прекрасное дитя», фюрер никогда не кричал, даже если те допускали грубые ошибки.

Женщинам из своего окружения Гитлер прощал высказывания, которые стоили бы мужчинам свободы, а может быть, и жизни. Во время бесконечных разговоров в ближнем кругу «допущенных к столу» он почти ничего не говорил о столь ненавистных ему евреях, и за чаем обычно обсуждались театр и оперетты, кино и ведущие актеры и актрисы, последние веяния моды и прочие банальности. Гитлер охотно выслушивал и всяческие сплетни из семейной жизни разных людей, в том числе и его сподвижников, над которыми он любил от души посмеяться.

В такой обстановке Ирма не могла разглядеть в обожаемом ею фюрере чудовищного злодея. Многие женщины, ожидавшие до встречи с Гитлером увидеть в нем свирепого грубияна, уходили от него в восторге и восхищении. Он относился к ним с участием, постоянно выказывая свою заботу. Дамам он мог позволить даже нарушить запрет курить в его присутствии и при этом иногда еще и подшучивал над ними.

И когда спустя много лет Ирма встретилась в Западном Берлине с бывшей секретаршей фюрера Траудль Юнге, обе они были единодушны во мнении, что для них он был хорошим человеком, что бы там про него потом ни говорили.

— Признаю, — сказала Траудль, — я была очарована Адольфом Гитлером. Он был приятным начальником и отеческим другом. Я наслаждалась временем, проведенным в его обществе, почти до самого конца.

Обрадовавшись этой неожиданной встрече, Ирма пригласила Траудль к себе домой на ужин. Магде тогда было всего одиннадцать лет, и рассказ Траудль о фюрербункере, в котором та провела последние месяцы существования Третьего рейха, она слушала как страшную сказку на ночь.

Угрюмая обстановка этой подземной штаб-квартиры фюрера, состоявшей из тридцати помещений различного назначения — от конференц-зала до туалета, — действовала угнетающе. Траудль Юнге в этом подземном царстве-государстве была самой молодой из квартета личных секретарш Гитлера.

В последние дни марта к Гитлеру приехала Ева Браун. Она сама приняла это решение. Фюрер хотел немедленно отправить ее обратно в Мюнхен и поручил своему личному фотографу Генриху Гофману убедить Еву в необходимости вернуться назад. Но все усилия оказались напрасными. Ева Браун дала всем ясно понять: она останется рядом с Гитлером и отговорить ее невозможно. Она поселилась в комнате рядом с личными апартаментами фюрера и полностью включилась в атмосферу бункерной жизни. Всегда ухоженная, тщательно и безупречно одетая, она была неизменно приветливой и любезной.

Предчувствие неумолимо надвигающейся катастрофы сближало обитателей этого мрачного подземелья, и, когда в Берлине рвались снаряды уже рядом с рейхсканцелярией, Ева Браун, испытывая желание в последний раз вкусить радость жизни, решила устроить вечеринку. Она пригласила всех, кто еще оставался в фюрербункере, подняться к ней наверх в ее бывшие апартаменты. Попала на эту вечеринку и Траудль. Была всего одна пластинка — «Красные розы говорят тебе о любви», были танцы и шампанское. Веселье Евы Браун походило на пир во время чумы и граничило с истерикой. Атмосфера была напряженной и внушала какой-то потусторонний ужас. В ней ощущалось отчаяние обреченных. Советская реактивная артиллерия обеспечивала их вечеринке соответствующий аккомпанемент.

Траудль побыла там какое-то время, а потом ушла. Настроение у нее было совсем невеселым. Она понимала, что, возможно, это была последняя вечеринка в ее жизни, и в глубине души сожалела о своем решении остаться в фюрербункере с Гитлером до конца. Она не была убежденной нацисткой, и фюрер для нее был просто шефом, который

с прислугой, адъютантами и секретаршами неизменно был подчеркнута вежлив и доброжелателен. Люди же из его окружения приветствовали друг друга не предписанным «Хайль Гитлер!», а просто желали друг другу доброго дня.

По мере приближения советских войск к Берлину обычно жизнерадостная Ева, которая в фюрербункере почти все время проводила, полируя ногти, меняя наряды и расчесывая волосы, все чаще стала приходить в отчаяние. Однажды она схватила Траудль за руки и дрожащим голосом произнесла: «Скорее бы все это кончилось!»

Первоначально Гитлер выражал намерение вернуться в Оберзальцберг, дабы продолжить борьбу из «альпийской крепости под сенью овечьей легенды горы Унтерсберг», как умолял его «верный Генрих», рейхсфюрер СС Гиммлер. Туда уже была отправлена часть обсуживающего персонала, и самого фюрера все уговаривали, чтобы он как можно скорее эвакуировался из обреченного Берлина, воспользовавшись еще оставшимся узким коридором, потому что кольцо вокруг столицы Третьего рейха должно было сомкнуться со дня на день, а то и с часу на час. Геббельс же, наоборот, стал страстно убеждать фюрера остаться в Берлине, в котором еще можно добиться «моральной всемирной победы».

Но Гитлер все никак не мог принять окончательного решения. С трясущимися руками он сидел, ссутулившись, за оперативным столом, елозя по карте непослушными пальцами. Когда неподалеку от рейхсканцелярии падала бомба и электрический свет в бункере начинал мигать от взрыва, его взгляд скользил по застывшим лицам стоящих перед ним на вытяжку офицеров. «Близко упала!» — отмечал он про себя.

Берлин погибал на глазах. Рушились стены, и вместе с ними терпели крушение надежды. Радио и телеграф непрерывно сообщали о новых и новых поражениях немцев. Мальчишки, набранные из гитлерюгенда, где некоторым едва исполнилось двенадцать, в форме не по размеру и с винтовками «Маузер» в руках, были последними, кто мог оказывать хоть какое-то сопротивление русским, чья армия сжимала город в постоянно сужающемся кольце.

На очередном совещании Гитлер поклялся до конца оставаться в Берлине. «Как смогу я призывать войска к решающей битве за

Берлин, — сказал он, — если сам буду в этот момент в безопасности?! Я должен подчиниться воле судьбы. Капитан тонет вместе со своим кораблем».

«Великий исход» начался вечером того же дня. Гиммлер, Риббентроп, Шпеер и почти вся верхушка командования Люфтваффе присоединились к длинным колоннам грузовиков, готовившимся к отъезду в течение всего дня. Бледная и потная, распрощался с фюрером рейхсмаршал Геринг — он ссылаясь на какие-то «наисрочнейшие задачи», но Гитлер смотрел на этого грузного человека как на пустое место.

Покинув бункер, Герман Геринг поспешил в Берхтесгаден, откуда через три дня послал любимому фюреру телеграмму, в которой вежливо поинтересовался, не кажется ли Адольфу Гитлеру, что сейчас как раз подходящий момент для передачи власти в соответствии с декретом 29 июня 1941 года, согласно которому к Герингу должно было перейти руководство Третьим рейхом в том случае, если Гитлер вдруг окажется в какой-либо мере нетрудоспособным. Завершалась эта телеграмма словами: «То, что я чувствую к Вам в эти тяжелейшие часы моей жизни, не может быть передано словами. Да хранит Вас Господь, и пусть Он, несмотря ни на что, позволит Вам прибыть сюда как можно скорее. Ваш Герман Геринг».

Через какое-то время потерявший терпение Геринг отправил в бункер еще одну телеграмму, в которой уже в более жесткой форме уведомил фюрера о том, что в случае неполучения ответа до десяти вечера того же дня будет принято решение о том, что Гитлер действительно нетрудоспособен, что, в свою очередь, приведет в действие вышеупомянутый декрет.

Получив первую телеграмму, Гитлер остался на удивление спокойным. Но после второй, прибывшей в шесть вечера, впал в ярость. Он объявил, что это ультиматум и поступок предателя, назвал Геринга «морфинистом», после чего разрыдался, как обиженное дитя. Вытерев слезы и пригладив свою знаменитую челку, он подписал радиосообщение, составленное его личным секретарем Мартином Борманом. В радиосообщении Герман Геринг обвинялся в государственной измене, за которую полагалась смертная казнь, но для Геринга она заменялась всего лишь снятием его со всех занимаемых должностей.

Последнюю свою надежду Гитлер возлагал на СС. Склоняясь с лупой над картой, он бормотал: «Штайнер, Штайнер!» Его дрожащий палец уткнулся в северо-восточное предместье Берлина, где находился обергруппенфюрер и генерал войск СС Феликс Штайнер с остатками разгромленных частей.

21 апреля 1945-го он приказал Штайнеру выступить на юг, прорвать фланг наступавших советских войск и восстановить оборонительные позиции на юго-востоке Берлина.

— Вот увидите, — горячо убеждал он Штайнера, — что русские потерпят самое крупное и кровавое поражение в своей истории у стен Берлина. Отход на запад воспрещен для всех без исключения подразделений. Офицеров, которые осмелятся не выполнить это распоряжение, арестовывать и расстреливать на месте. За исполнение этого приказа отвечаете головой!

— Яволь, мой фюрер! — ответил ему Штайнер без особого энтузиазма.

Весь последующий день 22 апреля Гитлер ожидал начала контрудара Штайнера, но тот так и не отдал приказ о наступлении. Атаковать превосходящие силы противника с десятью тысячами солдат было, по его мнению, безумием. Гитлер снова и снова запрашивал сведения о контрударе Штайнера, но военные, находившиеся в ставке и знавшие, что обергруппенфюрер СС никакого удара не нанесет, предпочитали помалкивать.

Лишь под вечер Гитлер узнал истину, которая его доконала. Дико крича и топая ногами, он обвинил всех в предательстве и трусости — вначале его бросил в беде вермахт, а теперь и СС. Национал-социалистическая идея погублена, смысл жизни потерян. Берлин он, однако, не оставит, а умрет в своей столице. Окружавшие его люди ошеломленно смотрели на конвульсивные движения фюрера, который, вскрикнув, мешком упал в кресло.

Вспоминая о тех днях, Траудль со слезами на глазах рассказывала, как Гитлер позвал в свой кабинет всех остававшихся у него в бункере женщин — ее, фрау Кристиан, свою новую повариху Констанцию Манциали и Еву Браун. Гитлер сказал им, что все кончено и что они должны немедленно покинуть Берлин. Его лицо в этот момент было настолько безжизненным, что казалось, будто на него уже надета посмертная маска. Женщины стояли совершенно ошарашенные. Потом

Ева Браун подошла к нему, взяла обе его руки в свои и взволнованно произнесла: «Ты должен понимать, что я остаюсь. Я тебя никогда не оставлю». Тогда он наклонился вперед и впервые в присутствии посторонних поцеловал ее в губы. Растроганные этой сценой фрау Кристиан и Траудль заявили, что они тоже остаются.

Гитлер поблагодарил их за преданность и сказал: «Вот бы моим генералам вашу храбрость!», после чего добавил: «Я должен застрелиться». На вопрос Траудль, почему бы ему не попытаться бежать, Гитлер ответил: «Я не хочу попадать в лапы к врагу живым». Тогда фрау Кристиан спросила фюрера: «Ну зачем же совершать самоубийство?» Отвечая на этот вопрос, Гитлер повторил, что не хочет, чтобы враг взял его живым. У него, фюрера, нет сил пойти в бой со своими солдатами, и никто из его верных соратников не застрелит его, если он их об этом попросит. Так что остается сделать это самому. Гитлер сказал, что у него есть несколько капсул с ядом. Опасаясь попасть в плен к русским, чего больше смерти боялись все женщины в осажденном Берлине, Траудль попросила у Гитлера ампулу с цианистым калием для себя, дабы воспользоваться ею при необходимости. Гитлер выдал ей капсулу с ядом, заметив при этом, что предпочел бы сделать ей более приятный прощальный подарок.

На вопрос Ирмы, почему же она все-таки осталась с Гитлером, Траудль, вздохнув, грустно произнесла, что она не могла просто встать и уйти, когда от фюрера все разбежались, как крысы с тонущего корабля.

— И потом, — добавила Траудль, — мне просто некуда было идти. Мне было страшно покидать такое надежное бомбоубежище, как фюрербункер. Ведь родители и друзья отговаривали меня служить у нацистов. И что теперь? Я приду домой и скажу: «Здравствуйте, вот я и вернулась»? Как только припекло, я сразу поняла, что ошибалась?

— Насчет того, что в фюрербункере тогда было безопасней, я с тобой согласна. Я в то время с двухлетней дочкой жила у себя дома в Берхтесгадене с родителями, — вспомнила Ирма. — У нас все было тихо, как в мирное время, пока под самый конец войны не прилетела армада союзников и все вокруг разбомбила. Когда бомба разорвалась во дворе нашего дома, мои родители погибли, а мы с Магдой уцелели только потому, что вовремя успели спрятаться в подвал.

На долю Траудль Юнге выпало задание задокументировать последнее политическое и личное завещание фюрера. В первом преобладали традиционные для Гитлера обвинения в адрес евреев, уверения в собственной невинности и призывы к духу сопротивления. Затем он начал диктовать личное завещание, в котором объявил о своем решении взять в жены женщину, которая «после многих лет верной дружбы прибыла по своей доброй воле в этот осажденный город, чтобы разделить мою судьбу, и по ее собственной просьбе она идет на смерть как моя жена».

Закончил Гитлер словами о том, что он сам и его супруга хотят, чтобы их тела были немедленно сожжены. Записав все это дрожащей рукой, Траудль ушла в соседнюю комнату, чтобы перепечатать записанные тексты на машинке.

Тем временем в зале для совещаний была организована церемония регистрации брака. Из находившегося поблизости подразделения фолькештурма вызвали муниципального чиновника по фамилии Вагнер и попросили его зарегистрировать брак фюрера с Евой Браун. Ева облачилась в свое любимое длинное черное платье, Гитлер был в парадном мундире.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ